

■ Социология групп

А. И. Смирнов

ДИНАМИКА И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ВОЕННЫХ ПЕНСИОНЕРОВ

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5152

Смирнов Александр Ильич – доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: smir_al@bk.ru
Тел.: +7 (906) 710 20 76

Аннотация: В статье на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) анализируются динамика и особенности социального самочувствия такой большой и лишь на первый взгляд монолитной социально-демографической группы пожилых людей, как военные пенсионеры. Результаты исследования убеждают, что динамика удовлетворенности военных пенсионеров своей жизнью в решающей мере зависит от направленности и глубины изменения условий их жизнедеятельности. По уровню социального самочувствия они превосходят получающих другие виды пенсии. По мере обострения экономического кризиса стала нарастать их обеспокоенность за будущее своих семей, они стали хуже оценивать свои жизненные перспективы. Поскольку многие заканчивают службу, не исчерпав своих творческих и физических резервов, доля продолжающих трудиться среди военных пенсионеров оказывается вдвое больше, чем среди получающих другие виды пенсии. Работающие военнотрудовые запаса, представляющие собой более активный и успешный адаптационный контингент, намного превосходят по уровню социального самочувствия неработающих. Одним из значимых факторов расслоения являются социальные ресурсы, доступные военным пенсионерам через сети знакомств и связей. Вместе с тем материальная и статусная дифференциация не устраняет традиционную для них ментальную общность. После увольнения в запас они охотнее относят себя к «военному сословию», «сообществу бывших военных» и т. п., чем к одной из профессиональных групп или слоёв общества. В среде военных пенсионеров в значительной мере сохраняется общность ценностных и мотивационных ориентаций. Меньшая их часть тяготеет к ценностям индивидуализма, отдаёт приоритет рынку и частной собственности, высоко ценит индивидуальную и экономическую свободу, тогда как большинство эти ценности не приемлет или разделяет их только частично, предпочитая им не обязательно высокий, но непременно стабильный материальный достаток и равенство, обеспечиваемые государством.

Ключевые слова: адаптация, армия, военные пенсионеры, социальный капитал, социальное самочувствие, социальная поддержка.

Нынешний экономический кризис в отличие от двух предыдущих (1998 г. и 2008–2009 гг.) оказался непростым, длительным и достаточно болезненным периодом в жизни подавляющего большинства россиян, но особенно тех из них,

кто нуждается в постоянной социальной поддержке. Одной из таких специфических и солидных по численности групп населения является группа военных пенсионеров, значительная часть которых располагает ограниченными ресурсами и вынуждена в кризисной ситуации задействовать резервные механизмы адаптации к динамично меняющейся среде. В условиях тяжёлого экономического кризиса, характеризующегося ростом социальной нестабильности, углублением социального неравенства и ухудшением жизни населения, положение граждан с фиксированными доходами, к которым относятся многие военные пенсионеры, становится наиболее уязвимым и неустойчивым. Это неизбежно отражается на социальном самочувствии и здоровье этой категории пожилых людей, вплотную столкнувшихся с проблемами выживания.

Социальное самочувствие не только характеризует настроения людей [Зараковский, 2009: 229], особенности восприятия ими окружающей действительности, но и отражает процесс их психологической адаптации к современной ситуации [Корель, 1999: 224–225]. Как заметил Г. Г. Дилигенский, социальное самочувствие представляет собой «один из важнейших показателей характера процессов, происходящих в обществе, психологической вовлечённости различных групп населения в эти процессы или их отчуждённости от доминирующих тенденций общественного развития» [Дилигенский, 2002: 85]. В отношении военных пенсионеров, значительно дифференцированных по возрасту, состоянию здоровья, уровню образования, объёму и качеству социального капитала, социальное самочувствие показывает, в какой мере они готовы в сложившихся условиях противодействовать неблагоприятным внешним факторам.

В данной статье мы попытались выяснить, насколько глубокими и серьёзными являются сегодня сдвиги в социальном самочувствии военных пенсионеров, уточнить вектор социальных настроений, возможности и главные тенденции адаптации бывших военных к кризисным условиям. Анализ опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) – многолетнего лонгитюдного обследования российских домохозяйств¹. К военным пенсионерам в данном исследовании относятся граждане, получающие военную пенсию,

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>). В статье использованы данные мониторинга за 2004–2015 гг.

а также пенсию по инвалидности по государственному пенсионному обеспечению (инвалид – участник Великой Отечественной войны или из-за военной травмы, заболевания, полученного на военной службе), выплаты как участники боевых действий.

Поскольку в методику опроса периодически вносились изменения, число таких респондентов в течение 2004–2015 гг. колебалось от 158 до 291 человек. Во всех волнах мониторинга свыше 90% респондентов составляли мужчины, три четверти и более – лица, в возрасте старше 50 лет, что полностью соответствовало характеристикам генеральной совокупности. Учитывая эти обстоятельства, мы ограничили анализ выяснением динамики и особенностей социального самочувствия военных пенсионеров по сравнению с самой массовой категорией пенсионеров, получающих трудовую пенсию по старости, по возрасту, включая досрочные пенсии по старости за работу в особых условиях труда в районах Крайнего Севера (число этих респондентов колебалось в анализируемый период от 2160 до 4080 человек), а также попытались показать, как они выглядят на фоне остального взрослого населения России.

Как показал анализ, динамика удовлетворённости военных пенсионеров своей жизнью в решающей мере зависит от направленности и глубины изменения условий жизнедеятельности. Так, вслед за спадом, спровоцированным кризисом 2008–2009 гг., был отмечен быстрый и последовательный рост доли респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворённых своей жизнью, – с 46% в 2010 г. до 63,7% в 2013 г., т. е. на 17,7 п.п., с последующей стабилизацией в 2014 г. (см. рис. 1).

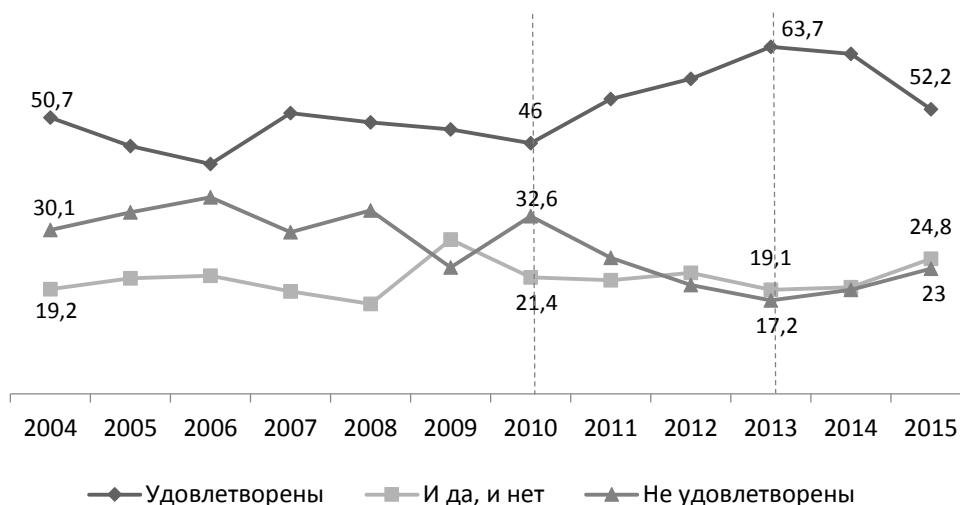

Рис. 1. Динамика удовлетворённости военных пенсионеров своей жизнью в целом, 2004–2015 гг., %

Позитивные изменения были вызваны как повышением уровня жизни военных пенсионеров и их семей по мере ослабления кризиса, так и ростом положительных настроений, подъёмом патриотизма, обусловленных удачным проведением Олимпийских игр в Сочи и воссоединением Крыма с Россией, успешной реализацией стратегического курса по возрождению Российской армии и другими знаковыми для бывших военнослужащих событиями. Но к концу 2015 г., когда эйфория от этих успехов пошла на спад, а экономическая ситуация заметно ухудшилась, что вызвало снижение уровня и ухудшение качества жизни подавляющего большинства российских граждан, было выявлено резкое уменьшение доли военных пенсионеров, удовлетворённых своей жизнью, до 52,2%, т. е. на 10,2 п.п. Темпы этого сокращения оказались намного выше темпов снижения уровня удовлетворённости своей жизнью россиян в целом. Достаточно отметить, что в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля граждан, полностью и скорее удовлетворённых своей жизнью, среди них уменьшилась только на 1,7 п.п. – с 51,3 до 49,6%.

Всё это могло свидетельствовать о том, что, как подтверждают результаты других социологических исследований, россияне стали привыкать к нестабильной и ухудшившейся ситуации [Российское общество..., 2016: 50], но немалая часть граждан, находящихся на жизненном перепутье, особенно остро ощущающих непрочность своего положения, стала испытывать повышенную тревожность. Многие из них выбрали пассивную стратегию адаптации к кризисным условиям, стараясь «удержать достигнутую жизненную позицию», что означает в подобных ситуациях, по авторитетному мнению Абульхановой-Славской, обеспечить жизнь семьи, как правило, в сугубо бытовом отношении, сохранить работу, поддерживать уже сложившийся круг общения и т. п. [Абульханова-Славская, 1991: 71]. У других снижение удовлетворённости жизнью стало результатом развитого чувства ответственности, характерного для многих военных пенсионеров, которое человек проявляет «не из боязни последствий, а в силу желания и готовности не допустить, своевременно предупредить последствия» [Абульханова-Славская, 1991: 113]. Более комфортно чувствуют себя те военные пенсионеры, у которых стоящие перед ними цели и задачи совпадают с их личностными позициями и качествами. Это совпадение выступает в качестве важнейшего принципа и условия продуктивности действий по их реализации.

Обращает на себя внимание и тот важный факт, что на протяжении всего последнего десятилетия военные пенсионеры чувствовали себя более уверенно и комфортно, чем подавляющее большинство остальных пенсионеров. Так, доля лиц, удовлетворённых своей жизнью, среди них из года в год оказывалась в 1,3–1,5 раза больше, чем

среди самой многочисленной категории пенсионеров, получающих трудовую пенсию по старости, включая досрочные пенсии по старости за работу в особых условиях труда или в районах Крайнего Севера (см. рис. 2).

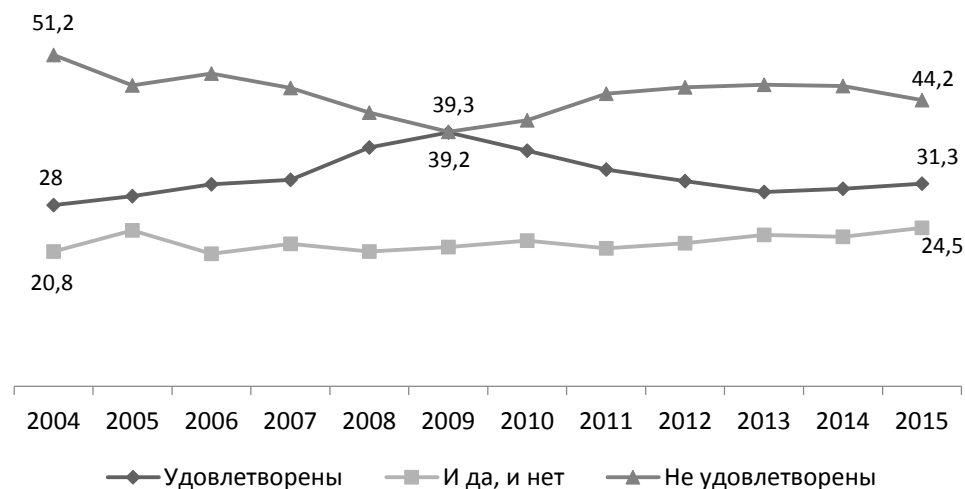

Рис. 2. Динамика удовлетворённости пенсионеров по старости своей жизнью в целом, 2004–2015 гг., %

При этом уровень удовлетворённости своей жизнью у пенсионеров по старости менялся гораздо медленнее, чем у военных пенсионеров. Характерно также, что в конце 2015 г. 39% военных пенсионеров относили себя к очень счастливым или довольно счастливым людям, и ещё 45,1% считали, что они скорее счастливы, чем не счастливы. В то же время среди пенсионеров, получающих трудовую пенсию по старости, таких было заметно меньше – 34,5 и 39,9% соответственно.

Немаловажной причиной этих различий, помимо очевидных возрастных особенностей, является более высокий уровень материальной обеспеченности и удовлетворённости бывших военных материальной стороной своей жизни. Огромную роль в улучшении экономического положения военных пенсионеров и их семей сыграло повышение в 2012 г. размера получаемой пенсии в 1,6 раза. При этом нельзя пройти мимо возросшего недовольства бывших военных дискриминационным подходом к формированию размера пенсии, суть которого заключается в использовании ничем не обоснованного понижающего коэффициента 0,54 к начисляемым по закону пенсиям. Кроме того, не выполняется в полной мере требование Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 604 «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации», предусматривающее ежегодное увеличение пенсий гражданам, уволенным с военной службы, не менее чем на 2% сверх уровня инфляции. В условиях экономического кризиса индексация военных пенсий стала заметно отставать даже от официально признанного уровня инфляции в России. Так, в 2015 г. пенсии

были увеличены на 7,5%, тогда как официальная инфляция достигла 12,9%. В феврале 2016 г. военные пенсии увеличились в среднем на 4% при инфляции 5,8%. Размер денежного довольствия, учитываемого при расчёте пенсий, составил 69,45% от указанного денежного довольствия (с 1 октября 2015 г. – 66,78%). Но, несмотря на всё это, в феврале 2016 г. средний размер пенсии за выслугу лет достиг 21 752 руб., превысив средний размер страховой пенсии по старости почти в 1,7 раза [Шевцова, 2016: 5].

Военные пенсионеры превосходят пенсионеров по старости не только по размеру пенсии, но и по уровню своих доходов в целом. В ходе анализа данных мониторинга были выделены четыре группы респондентов, различающихся по величине доходов: низкодоходные слои – 0,75 или менее медианного значения; нижние среднедоходные слои – более 0,75–1,25 медианы; верхние среднедоходные слои – более 1,25–2 медиан; высокодоходные слои – более 2-х медианных значений. Анализ распределения респондентов по этим группам показал, что среди военных пенсионеров намного меньше граждан, относящихся к низкодоходным слоям, и существенно больше тех, кто попадает в группу лиц с высокими доходами (см. таблицу 1).

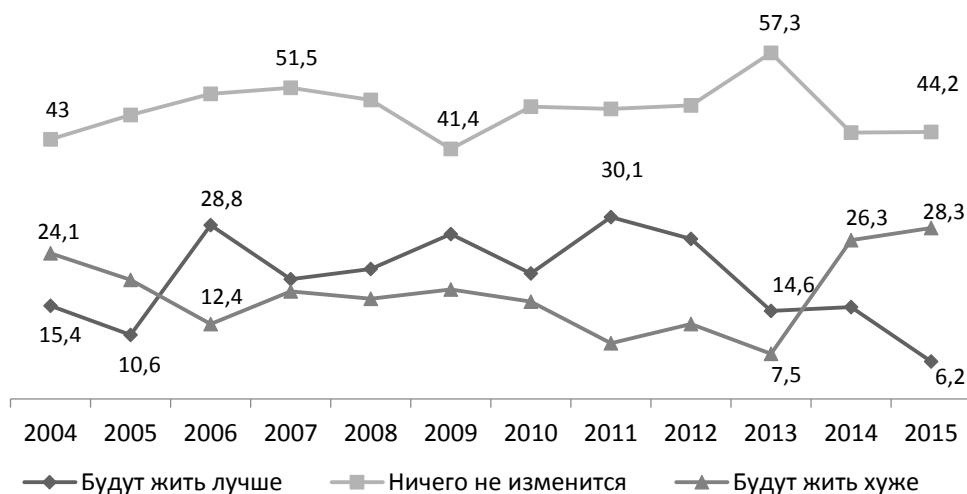
Таблица 1

**Распределение военных пенсионеров и пенсионеров по старости
по уровню доходной обеспеченности, 2006 и 2015 гг., %**

Доходные группы	2006		2015	
	Военные пенсионеры	Пенсионеры по старости	Военные пенсионеры	Пенсионеры по старости
Низкодоходные слои	10,1	32,4	14,4	23,7
Нижние среднедоходные слои	32,4	37,3	35,3	44,7
Верхние среднедоходные слои	38,8	19,4	30,2	22,7
Высокодоходные слои	18,7	10,9	20,1	8,9

В конце 2015 г. доля респондентов, удовлетворённых своим материальным положением, среди опрошенных военных пенсионеров составила 32,7%, тогда как среди получающих пенсию по старости – только 25,1%. Удельный вес тех, кто был недоволен материальной стороной своей жизни, достигал 49,5 и 55,3% соответственно. Но в то же время изменение социально-экономических условий повлекло за собой более существенное обострение восприятия бывшими военными, располагающими более высокими доходами, проблем, связанных с сохранением привычного уровня жизни. Неслучайно среди них оказалось больше респондентов, которые за последние 12 месяцев озаботились ухудшением материального положения своих семей (36,3 против 31,3% среди получающих трудовую пенсию по старости).

Дальнейший анализ показал, что за последние годы военные пенсионеры стали гораздо хуже оценивать свои личные и семейные жизненные перспективы (см. рис. 3).

Примечание: не приведены данные по позиции «Затруднились ответить».

Рис. 3. Оценка военными пенсионерами личных и семейных жизненных перспектив, 2004–2015 гг., %

Так, с 2013 по 2015 г. доля респондентов, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить немного или намного хуже, увеличилась почти в 4 раза – с 7,5 до 28,3%. Но ещё более значительным и последовательным оказалось сокращение в 2011–2015 гг. удельного веса лиц, рассчитывающих на худшее, – с 30,1 до 6,2%, которое составило 23,9 п.п. В эти годы около 53–56% опрошенных военных пенсионеров выражали обеспокоенность тем, что не смогут обеспечивать себя самым необходимым в течение ближайших 12 месяцев, тогда как доля тех, кто не волновался по этому поводу, была почти вдвое меньше – около 28–32%.

Довольно высоким остаётся уровень неудовлетворённости военных пенсионеров теми или иными нематериальными аспектами жизни, очень часто эта неудовлетворённость в концентрированном виде выражается в смутном ощущении её скудности, неполноценности. Время, когда при увольнении кадровых военнослужащих доминировала мотивация безысходности, когда возможность сменить условия жизни и труда многие военные рассматривали как «счастливый случай» [Денисовский, Смирнов, 1999], в основном прошло. Сегодня всё чаще речь идёт о том, что военнослужащих запаса, ещё совсем недавно занимавшихся особо значимой деятельностью по обеспечению безопасности общества, существенными особенностями которой являются высокий уровень социальной ответственности, сложность выполняемых функций, глубокий политический и нравственный смысл, угнетает их новая малозаметная и скромная роль пенсионера. Но с течением времени под влиянием реальных условий и факторов отношение бывших военных к этой роли всё же постепенно меняется. Особое значение в подобных си-

туациях имеет психологический механизм разрешения противоречий, заставляющий военнослужащих запаса постепенно переосмысливать свой жизненный и профессиональный опыт, преодолевать довлеющие стереотипы. В процессе приведения в соответствие своих возможностей и ограничений с реальными условиями жизнедеятельности у многих из них происходит смещение ценностных ориентаций и установок в сферу личных, индивидуально значимых интересов и целей.

Поскольку очень многие заканчивают армейскую и флотскую службу, ещё не исчерпав своих творческих и физических резервов, сохранив способность эффективно осваивать новые сферы деятельности, динамично развиваться и совершенствоваться в профессиональном плане, военные пенсионеры обладают колоссальным трудовым потенциалом. При этом у значительной части кадровых военнослужащих, покидающих армию и флот, к числу важнейших личных ценностей относится активная самореализация в сфере профессиональной деятельности. Поэтому неудивительно, что среди них удельный вес лиц, продолжающих трудовую деятельность в новых условиях, из года в год оказывается почти вдвое больше, чем среди граждан, получающих другие виды пенсии. Причём с 2004 по 2015 г. доля респондентов, которые трудились в различных отраслях экономики, увеличилась среди военных пенсионеров с 39,2 до 46,9%, тогда как среди лиц, получающих трудовую пенсию по старости, — с 16,3 до 22,4%.

Вхождение в рыночную среду уволившимся, но планирующим продолжать трудовую деятельность военных, происходит в процессе вынужденной адаптации к изменившимся условиям жизни, в том числе к иной системе труда. Выбранные первоначально способы адаптации — как необходимые или неизбежные в быстро изменившихся условиях, но не очень приятные, — становятся затем для многих из них вполне приемлемыми. Первоначально большинство уволившихся военных по привычке тянутся к понятной им деятельности в госучреждении или на предприятии, в организации нерыночного типа, рассматривая её как определённую гарантию стабильности своего нового положения, пусть сравнительного небольшого, но постоянного дохода. В дальнейшем те, кто терпят неудачу или непосредственно сталкиваются с труднопреодолимыми проблемами, рассматривают новую занятость как социальную деградацию и мечтают о возвращении к работе прежнего типа. В то же время те, кто не пасуют перед трудностями и добиваются успеха, нередко становятся убеждёнными сторонниками рыночных видов трудовой деятельности. Довольно комфортно ощущают себя также военные специалисты, пополняющие ряды пенсионеров, которые не испытывают сколь-нибудь существенных изменений в характере и содержании своей профессиональной деятельности.

В целом работающие военнослужащие запаса, которые представляют собой более активный и успешный адаптационный контингент [Смирнов, 2015], превосходят неработающих по уровню социального самочувствия. Так, согласно данным за 2015 г., среди занятых военных пенсионеров в полтора раза больше, чем среди незанятых, граждан, которые удовлетворены своей жизнью в целом (62,3 против 43,3%), и в два с половиной раза меньше тех, кто недоволен тем, как складывается их жизнь (13,2 против 31,7%). В то же время фактор занятости слабо влияет на уровень удовлетворённости пенсионеров своим материальным положением, оценки изменения материального положения своих семей за последние 12 месяцев, а также на оценки личных и семейных жизненных перспектив. Значительные различия наблюдаются только между работающими и неработающими военными пенсионерами по уровню обеспокоенности тем, что они не смогут обеспечить себя самым необходимым в течение ближайшего года (47 против 58% соответственно).

Анализ показал, что в большей или меньшей степени не удовлетворены своим материальным положением около половины работающих военных пенсионеров. Для существенной части этих респондентов работа имеет не столько психологическую значимость, сколько является в значительной мере рутинным и малопродуктивным способом выживания. Но большинство из них, хотя и не испытывают острых материальных проблем, считают своё материальное положение несправедливо низким. Материальные заботы играют существенную роль в их жизни в том смысле, что они хотели бы повысить свои заработки, но, зачастую, не прилагают к этому достаточных усилий, находя самые разные причины для оправдания своей пассивности.

Что касается респондентов, которые удовлетворены своим материальным положением, то на их долю приходится около трети военных пенсионеров, продолжающих трудовую деятельность. В условиях экономического кризиса у небольшой части этих респондентов в оценках собственного материального положения прослеживается некоторая двойственность. С одной стороны, они признают, что их дохода не хватает на удовлетворение довольно умеренных или даже скромных потребностей, но, с другой стороны, они заявляют, что в принципе довольны достигнутым уровнем материального обеспечения. Подобные ситуации представляют собой определённый механизм согласования различных мотивов, определяющих поведение индивидов. Для одних респондентов возможность работать, заниматься любимым или полезным делом является более весомой ценностью, чем заработок, тогда как другие довольны тем, что в условиях экономического кризиса смогли получить хоть какую-то работу и обеспечить более или менее приемлемый уровень материального благополучия.

Большинство занятых военных пенсионеров удовлетворены своим трудом. Причём если в 2004 г. были довольны своей работой почти две трети этих работников, то в 2015 г. уже три четверти. За этот же период доля лиц, не удовлетворённых своей работой, сократилась среди них более чем втрое – с 26 до 8%.

Сказывается постепенный рост адаптационных возможностей бывших военнослужащих и совершенствование навыков их использования в процессе приспособления к изменённой системе труда в различных отраслях и сферах занятости, на разных уровнях в госсекторе и предпринимательстве, как в крупных городах, так и в провинции. Существенно выросла удовлетворённость продолжающих трудиться военнослужащих запаса отдельными сторонами своего труда, в том числе условиями трудовой деятельности и возможностями для профессионального роста. Но, говоря об этих позитивных сдвигах, всё же нельзя забывать, что период адаптации к новой системе труда по времени довольно часто совпадает с достижением этими людьми вершин своего профессионального мастерства на этапе жизненной зрелости. И поскольку в изменённых условиях им зачастую приходится осваивать новую специальность, начиная с овладения её основами, это сопряжено с разного рода психологическими затруднениями, которые разными людьми преодолеваются по-разному, что во многом зависит от того, какими ресурсами они располагают. Работающие военные пенсионеры, как и большинство наёмных работников, тем меньше удовлетворены работой, чем яснее осознают, что в трудовой деятельности их квалификация не соответствует реально занимаемому месту [Наёмный работник..., 2015: 28].

О росте адаптационных возможностей военных пенсионеров свидетельствует также превышение доли бывших военных, которые за постсоветский период смогли повысить уровень жизни, над долей тех, кто почувствовал его снижение (см. рис. 4).

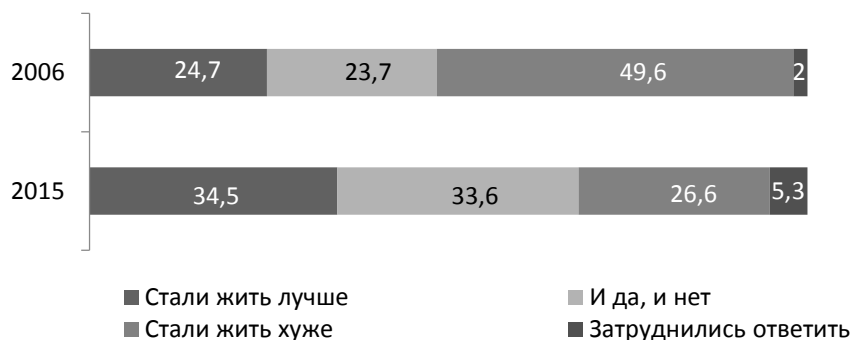

Рис. 4. Распределение ответов военных пенсионеров на вопрос: «Насколько вы согласны или не согласны с тем, что вы лично сейчас живете лучше, чем до реформ, начавшихся в 1991 г.», 2006 и 2015 гг., %

В конце 2015 г. удельный вес респондентов, которые, по их же собственным ощущениям, стали жить лучше, чем до реформ, начавшихся в 1991 г., составил 34,5%, тогда как число тех, кто стал жить хуже, оказалось на треть меньше — только 26,6%. Остальные опрошенные заняли промежуточную позицию «и да, и нет» или затруднились выразить определённое мнение (33,6 и 5,3% соответственно). Примечательно, что за 2006–2015 гг. удельный вес респондентов, ощущающих

улучшение своей жизни по сравнению с советским периодом, вырос на 9,8 п.п., в то время как доля граждан, заметивших ухудшение жизни, уменьшилась почти вдвое, или на 23 п.п.

Ответы на подобные вопросы базируются на представлениях респондентов о конкретных результатах процесса адаптации к меняющейся действительности, в которых отражены как степень удовлетворения актуальных потребностей, так и сравнение нынешнего уровня адаптации с дореформенным. Причём для того чтобы понять, каким было собственное положение в то или иное время, а также в каком направлении и насколько серьёзно оно изменилось, такое сравнение должно включать соотнесение, осуществляемое обычно подсознательно, своего дореформенного и нынешнего положения с аналогичным состоянием других людей. Проблема осложняется и тем, что большинство нынешних военных пенсионеров в дореформенном обществе были действующими военнослужащими, тогда как их сегодняшние уровень, стиль и образ жизни, новые жизненные практики обуславливают использование совершенно иных подходов к оценке жизненного успеха.

В ходе исследования удалось выявить некоторые особенности конфигурации групповых идентификаций военных пенсионеров. Анализ базировался на ответах респондентов на следующий вопрос: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Если говорить о вас, то как часто вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком вы могли бы сказать: «Это — мы?» (варианты ответов: «часто», «иногда», «никогда», «затрудняюсь ответить»). Приведённые в таблице 2 суммарные данные по двум позициям шкалы «часто» и «редко» образуют, в соответствии с хорошо зарекомендовавшей себя методикой [Ядов, 1995; Данилова, 2004], градацию «позитивная идентификация». Как нам представляется, позитивная градация в некотором смысле характеризует ширину ощущения близости респондентов с той или иной общностью, а отдельно взятый показатель шкалы «часто» — глубину этого ощущения.

Из данных таблицы 2 следует, что военные пенсионеры отличаются повышенным уровнем поколенной, профессиональной, поселенческой и политической идентичности. Одной из особенностей анализируемой конфигурации является также слабость гражданской идентичности, на что указывает низкая доля респондентов, которые ощущают единство со всеми гражданами России. Но следует заметить, что данная особенность, характерная для россиян в целом, была выявлена ещё в ранних исследованиях RLMS-HSE.

Рассматривая представленные данные, важно учитывать, что проблема идентичности в отношении военных пенсионеров не сводима только к набору определённых статистических сведений, характеризующих эту группу и раскрывающих её специфику по сравнению другими группами российских пенсионеров. Представляется, что наряду с такими данными важнейшим моментом идентичности бывших военных выступает характеризующий представителей

этой группы комплекс специфических представлений о социальной реальности и собственном месте в ней, т. е. особенных именно для данной категории населения представлений и установок, регулирующих их активность в различных сферах деятельности. После выхода на пенсию далеко не все из них сохраняют достигнутые социальные позиции. Безусловно, некоторым удаётся сделать успешную карьеру и занять более высокое социальное положение. Но довольно часто бывшие военнослужащие попадают в русло снижения статуса, опускаются на нижние ступени социальной иерархии. Однако подобная материальная и статусная дифференциация не устраняет традиционную ментальную общность данной группы. После увольнения в запас они не ощущают себя только лишь или скорее служащими, инженерами, техниками, руководителями того или иного ранга, а охотнее относят себя к «военному сословию», «сообществу бывших военных», «ветеранам военной службы» и т. п., чем к одной из профессиональных групп или к одному из слоёв общества. В меньшей степени это относится к военным специалистам «обеспечивающего» звена – врачам, юристам, музыкантам, переводчикам, преподавателям и др.

Таблица 2

**Распространённость отдельных групповых идентификаций
получающих и не получающих пенсию, 2015 г., %**

Категории	Получают пенсию				Не получают пенсию	
	Военные пенсионеры		Пенсионеры по старости		Часто	Иногда
	Часто	Иногда	Часто	Иногда		
С людьми своего поколения, возраста	68,1	27,4	62,0	33,3	62,8	32,2
С людьми своей профессии, рода занятий	62,5	29,2	47,7	34,7	59,8	31,3
С жителями того же города, села	54,0	40,7	44,8	46,1	45,1	45,7
С людьми такого же достатка	51,3	38,9	49,0	39,1	48,0	40,2
С людьми своей национальности	47,4	39,7	49,8	40,8	49,1	41,6
С людьми, близкими по политическим взглядам	38,7	38,9	30,1	37,6	30,9	38,4
С жителями той же области, края, республики	34,5	46,9	32,5	47,6	32,7	49,4
С людьми своей веры	33,6	45,1	39,6	39,2	33,4	40,8
Со всеми гражданами России	31,9	46,0	27,3	44,7	27,4	49,2

В среде военных пенсионеров в значительной мере сохраняется общность ценностных и мотивационных ориентаций. Большинство из них продолжает придерживаться взглядов, сформировавшихся в период продолжительной военной службы. Им не безразлично то, как решаются проблемы национальной и, прежде всего, военной безопасности, укрепления Вооружённых сил, развития гражданско-военных отношений в России. Многие из них принимают самое не-

посредственное участие в реализации традиционных для армии как социального института образовательной и воспитательной функций, благодаря которым во многом обеспечивался высокий уровень доверия к армии и уважения к военным в советский период. Значительная часть включается в деятельность различных ветеранских и военно-патриотических организаций.

Анализ данных мониторинга, характеризующих динамику обобщённого (генерализованного) доверия, убеждает, что бывшие военнослужащие более внимательны и осторожны в оценках относительно возможности доверия к посторонним людям (см. рис. 5).

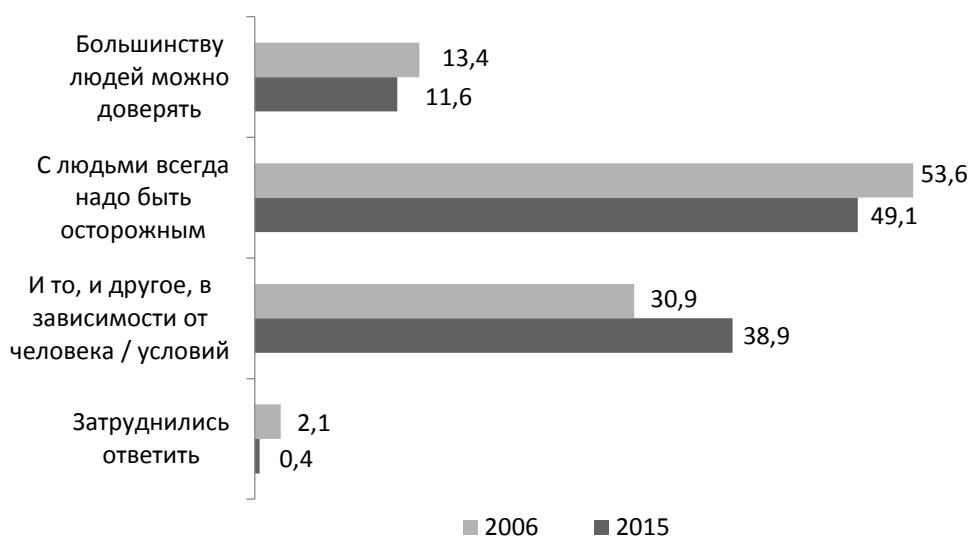

Рис. 5. Динамика уровня доверия военных пенсионеров к другим людям, 2006 и 2015 гг., %

В конце 2015 г. только 11,6% опрошенных военных пенсионеров полагали, что большинству незнакомых людей можно доверять, в то время как 49,1% считали, что в отношениях с другими людьми всегда надо быть осторожными. И ещё 38,9% представителей данной группы указали, что доверять или не доверять тому или иному человеку следует в зависимости от конкретных обстоятельств и от того, какими положительными или отрицательными качествами обладает этот человек. В то же время среди респондентов, получающих трудовую пенсию по старости, удельный вес лиц, намеревающихся доверять большинству окружающих их людей, составил 16%, а доля «осторожных» не превысила 42,5%. Характерно также, что среди респондентов, не достигших пенсионного возраста, эти доли составили 15,3 и 39,2% соответственно.

В 2015 г. только 18,6% опрошенных военных пенсионеров были в большей или меньшей степени убеждены, что возможно взаимопонимание и сотрудничество между богатыми и бедными людьми. Кроме того, 40,7% бывших воен-

нослужащих полагали, что такое взаимодействие в чём-то возможно, в чём-то нет, а 38,9% были в той или иной степени уверены в нереальности нормальных взаимоотношений между людьми, занимающими полярные позиции на шкале материального благосостояния. При этом они оценивали такие шансы намного оптимистичнее, чем респонденты, получающие другие виды пенсии. Так, из числа опрошенных граждан, получающих трудовую пенсию по старости, только 15% респондентов допускали возможность взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми, тогда как противоположного мнения придерживались 48,3%. Следует отметить, что за последнее десятилетие существенно выросла доля позитивных оценок. Достаточно сказать, что в 2004 г. 62% опрошенных военных пенсионеров, т. е. в 1,6 раза больше, чем сегодня, не верили в реальность взаимопонимания и сотрудничества между богатыми и бедными. Что касается граждан, которые не достигли пенсионного возраста, то среди них доля лиц, допускающих возможность нормальных взаимоотношений между богатыми и бедными, составила 26,7%, в то время как негативное мнение высказали 32,3%.

Примечательно, что по уровню доверия различным группам населения военнослужащие запаса практически не отличаются ни от других пенсионеров, ни от тех, кто не получает пенсию (см. таблицу 3).

Таблица 3

Уровень доверия получающих и не получающих пенсию к различным группам, 2015 г., %

Группа	Получают пенсию				Не получают пенсию	
	Военные пенсионеры		Пенсионеры по старости		Доверяют всем	Доверяют большинству
	Доверяют всем	Доверяют большинству	Доверяют всем	Доверяют большинству		
Руководители предприятия	12,9	55,7	14,2	49,1	12,9	52,3
Люди, с которыми работают	15,7	64,3	20,1	60,2	17,5	64,0
Члены семьи	82,3	14,2	78,2	15,4	80,3	16,8
Люди своей национальности	10,6	60,2	15,4	59,5	12,0	55,7
Друзья	33,0	58,9	34,1	55,2	34,7	55,8
Соседи	7,7	59,0	16,7	55,3	11,8	49,2
Люди других национальностей	3,5	25,7	3,5	25,6	3,2	24,1

К более или менее заметным различиям можно отнести только то, что среди опрошенных военных пенсионеров реже встречаются респонденты, которые доверяют своим соседям. А наибольшим доверием у них пользуются члены семьи и затем, со значительным отрывом, друзья, товарищи. На следующих позициях располагаются руководители предприятия или организации и люди,

с которыми они работают, а также граждане одной с ними национальности. И наконец, наименьшим доверием у бывших военных, как, впрочем, и у других групп населения, пользуются люди иных национальностей. Обращает на себя внимание и то, что бывшие военные реже, чем граждане, получающие трудовую пенсию по старости, выступают против приезда в страну любых мигрантов (41,6 против 50,1%), но чаще разделяют точку зрения, согласно которой стране нужны только те мигранты, которые желают остаться жить в России навсегда (25,7 против 15,8%).

Не менее интересный и информативный аспект анализа – отношение военных пенсионеров к нынешней российской действительности по сравнению с советским периодом. При сопоставлении преимуществ и недостатков жизни в Советском Союзе и в нынешней России большинство бывших военнослужащих отдают предпочтение дореформенному обществу. Причём за последние десять лет количество таких респондентов увеличилось. Так, с 2006 по 2015 г. доля военных пенсионеров, предпочитающих, чтобы их дети росли во времена Советского Союза, увеличилась с 45,5 до 52,7%, тогда как доля тех, кто отдаёт предпочтение современной России, уменьшилась с 36,4 до 30,1%. Преимущества советского общества привлекают военных пенсионеров немного меньше, чем других пенсионеров, но гораздо больше, чем граждан, не достигших пенсионного возраста. При этом число симпатизирующих прежнему обществу среди пенсионеров по старости и граждан, не получающих пенсию, за указанный период сократилось (с 64,3 до 57,2% и с 33,5 до 25,4% соответственно), тогда как число сторонников современной России увеличилось (с 21,5 до 27,9% и с 49,7 до 53,7% соответственно). Можно предположить, что подобные различия зависят от возрастных особенностей анализируемых групп. Так, если среди военных пенсионеров доля респондентов в возрасте 60 лет и старше составляет около половины, то среди пенсионеров по старости – более 80%. Действительно, если группу, состоящую из пенсионеров по старости, приблизить по возрастному составу к группе военных пенсионеров, то данная зависимость прослеживается, но она довольно слабая.

При рассмотрении этих данных важно, помимо возрастных особенностей, учитывать, что бывшие военные относятся к тем людям, которые в советские времена принадлежали к одной из престижных профессиональных групп и в значительной степени испытали на себе негативные последствия глубоких трансформационных процессов и развала прежней государственно-патерналистской системы, которая гарантировала автоматическое воспроизводство положения кадровых военных. И своё нынешнее сравнительно стабильное положение многие из них воспринимают как следствие восстановления этой системы в современных условиях.

Из данных таблицы 4 следует, что только 14,4% военных пенсионеров доверяют малым и средним частным предприятиям, тогда как не доверяют им 41,7%. В то же время крупным частным предприятиям доверяют 26,6%, а не

доверяют – 31,8% бывших военнослужащих. При этом они заметно уступают большинству других пенсионеров по уровню доверия как малым и средним частным предприятиям (19,2 и 37,7% соответственно), так и крупным частным предприятиям (29,3 и 25,3% соответственно). Интересно, что банкам военные пенсионеры доверяют больше, чем частным предприятиям. Но уровень доверия к этим финансовым организациям у них лишь немного ниже, чем у пенсионеров по старости.

Таблица 4

Уровень доверия получающих и не получающих пенсию к частным предприятиям и финансовым организациям, 2015 г., %

Предприятие, организация	Получают пенсию				Не получают пенсию	
	Военные пенсионеры		Пенсионеры по старости		Доверяют	Не доверяют
	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют		
Крупные частные предприятия	26,6	31,8	29,3	25,3	39,5	18,5
Малые и средние частные предприятия	14,4	41,7	19,2	37,7	27,5	30,8
Российские банки	35,4	30,1	37,2	27,9	36,5	23,2
Страховые компании	16,8	47,8	15,9	45,5	20,9	37,1

За подобными мнениями нередко угадывается приверженность бывших военнослужащих патерналистским установкам: многих больше привлекает размеренная и стабильная жизнь, обеспечиваемая государством, чем самостоятельная, независимая профессиональная деятельность, рискованная рыночная активность. Как и действующих военных, их в большей мере устраивают надёжный реальный социально-правовой статус, адекватный возложенным обязанностям и ответственности, гарантированность реализации прав, стабильная материальная обеспеченность и признание результатов труда.

Таким образом, приведённые выше данные мониторинга ещё раз убеждают, что в среде военных пенсионеров отсутствует глубокая ценностная и мировоззренческая дифференциация. Их меньшая часть устойчиво тяготеет к ценностям индивидуализма, отдаёт приоритет рынку и частной собственности, высоко ценит индивидуальную и экономическую свободу, тогда как большинство из них эти ценности не приемлет или разделяет их только частично, предпочитая им не обязательно высокий, но непременно стабильный материальный достаток и равенство, гарантируемые государством.

В заключение хотелось бы также отметить, что, несмотря на огромное сходство службы в различных видах Вооружённых сил и родах войск, похожесть условий жизни в военных городках, невзирая на отмеченное выше наличие

представлений, характерных именно для этой группы, уволенные военные различаются по восприятию социальной действительности и уровню адаптации к новой реальности, демонстрируют большое разнообразие реакций на сдвиги в их положении. Немаловажное значение в данном случае имеют не только сугубо личностные различия, но и отличия в использовании различных механизмов социальной адаптации, в жизненном и культурном опыте. Военнослужащие лишь на первый взгляд представляют собой однородную «человеческую массу», тогда как в действительности армия соткана из многочисленных сравнительно больших и малых групп, выполняющих различные функции, решающих специфические задачи в неодинаковых условиях, включающих людей с разной структурой профессиональных и жизненных интересов. Все эти и многие другие отличия стоят за разными позициями военных пенсионеров по тем или иным вопросам, разными установками, мировоззренческими позициями, мотивами, определяющими их поведение. В связи с этим для решения острых проблем обустройства военнослужащих, покидающих армию и флот, в современном российском обществе необходима тщательно выверенная государственная политика, в соответствии с которой могут быть обеспечены конструктивные практические подходы по оптимизации процесса адаптации бывших военных и их семей к новым условиям жизнедеятельности, более эффективному использованию их возможностей.

Список литературы

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
- Данилова Е. Н.* Через призму социальных идентификаций (Сравнительное исследование жителей России и Польши) // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Отв. ред. Л. М. Дробизева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 220–244.
- Денисовский Г. М., Смирнов А. И.* Новые тенденции в адаптации семей бывших офицеров к гражданской жизни // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 46–52.
- Дилигенский Г. Г.* Люди среднего класса. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2002. 285 с.
- Зараковский Г. М.* Качество жизни населения России: Психологические составляющие. М.: Смысл, 2009. 319 с.
- Корель Л. В.* Генезис и механизм адаптаций в постсоциалистической России: теоретико-методологический подход // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999. С. 224–225.
- Наёмный работник в современной России* / З. Т. Голенкова [и др.]; отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 3* / М. К. Горшков [и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.

Смирнов А. И. Трудоустройство и занятость военных пенсионеров // Вестник института социологии. 2015. № 15. С. 129–148.

Шевцова Т. Вооружённые силы не пострадают // Независимая газета. 2016. 22 апреля.

Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 167–174.

Дата поступления в редакцию: 20.01.2017

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5152

Dynamics and Peculiarities of the Social Well-Being of Military Pensioners

Smirnov Alexander Il'ich

Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build. 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: smir_al@bk.ru

Abstract. Based on data obtained during the Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE (RLMS-HSE) while Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, the dynamics and characteristics of the social well-being of such a large and only seemingly monolithic social and demographic group of elderly people, as military pensioners, are analyzed. The results of the survey convince that the dynamics of the satisfaction of military pensioners with their lives critically depend on the direction and depth of changes in their living conditions. Their level of social well-being exceeds that of people receiving other types of pensions. As the economic crisis worsened, their concern for the future of their families began to grow, and they began to assess their own life prospects as worse. Since many of them retire without exhausting their creative and physical reserves, the proportion of military pensioners who continue working is twice that of those receiving other types of pensions. Working reserve soldiers, which are a more active and successfully adapting group, far surpass the non-working people in terms of their social well-being. One of the significant factors of stratification is the social resources available to military pensioners through their acquaintances and connections. Along with that, material and status differentiation does not deprive them from the traditional community mentality. After being discharged to the reserve, they are more likely to refer themselves to the “military class”, or “the community of former military”, etc., rather than to one of the professional groups or strata of society. In the community of military pensioners, the unity of value and motivational orientations is largely being preserved. A small number of them strives toward values of individualism, and gives priority to the market and private property, highly values individual and economic freedom. Most of these values are not accepted by them or are shared only partially, instead preferring not necessarily high, but indispensable stable material prosperity and equality provided by the state.

Keywords: adaptation, army, military retirees, human capital, social well-being, social support.

REFERENCES

Abulhanova-Slavskaya K. A. 1991. Strategiya zhizni [Life Strategy]. M.: Myisl, 299 s. (In Russ.).

Danilova E. N. 2004. Cherez prizmu social'nyh identifikacij (Srvnritel'noe issledovanie zhitelej Rossii i Pol'shi) [Through the prism of social identities (A Comparative Study of the inhabitants of Russia and Poland)]. *Rossija reformirujushhajasja: Ezhegodnik – 2004*. Ed. by L. M. Drobizheva. M.: Institut sociologii RAN, S. 220–244. (In Russ.).

Denisovskij G. M., Smirnov A. I. 1999. Novye tendencii v adaptacii semej byvshih oficerov k grazhdanskoj zhizni [New trends in the adaptation of families of former military officers to civilian life]. *Sociologicheskie issledovanija*. № 8. S. 46–52. (In Russ.).

Diligenskij G. G. 2002. Ljudi srednego klassa [People of the middle class]. M.: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie». 285 s. (In Russ.).

Jadov V. A. 1995. Social'nye i social'no-psihologicheskie mehanizmy formirovanija social'noj identichnosti lichnosti [Social and socio-psychological mechanisms of formation of the social identity of the person]. *Mir Rossii*. № 3–4. S. 67–174. (In Russ.).

Korel' L. V. 1999. Genezis i mehanizm adaptacij v postsocialisticheskoj Rossii: teoretiko-metodologicheskij podhod [Genesis and the mechanism of adaptation to the post-socialist Russia: theoretical and methodological approach]. *Social'naja traektorija reformiruemoj Rossii: Issledovanija Novosibirskoj jekonomiko-sociologicheskoj shkoly*. Ed. by T. I. Zaslavskaja, Z. I. Kalugina. J. Novosibirsk: Nauka. Sib. predpriyatje RAN, S. 224–225. (In Russ.).

Nayemnyy rabotnik v sovremennoy Rossii. 2015. Ed. by Z. T. Golenkova [The employee in modern Russia]. Ed. by Golenkova Z. T. M.: Novyy khronograf. 368 s. (In Russ.).

Rossiiskoe obschestvo I vyzovy vremeni. Kniga 3. 2016. [Russian society and challengers of the time. Book Three]; Ed. by Gorshkov M. K., Tichonova N. E. Moscow: Izdatelstvo Ves Mir. 424 s. (In Russ.).

Shevcova T. 2016. Vooruzhennye sily ne postradajut [The armed forces will not be affected]. *Nezavisimaja gazeta*. 22 aprelja. (In Russ.).

Smirnov A. I. 2015. Trudoustrojstvo i zanjatost' voennyh pensionerov [Resettlement and Employment of Discharged Military Personnel]. *Vestnik instituta sociologii*. № 15. S. 129–148. (In Russ.).

Zarakovskij G. M. 2009. Kachestvo zhizni naselenija Rossii: Psihologicheskie sostavljajushhie [The quality of life of the Russian population: Psychological components]. M.: Smysl. 319 s. (In Russ.).

Date received by 20.01.2017